

Ду Жошуй кивнул.

Цзи Юньчжо улыбнулся, и улыбка заструилась в его глазах, отчего те стали совсем яркими:

— Правда же? Я так здорово умею готовить!

— Я умею готовить утку с кровяными лепешками, разбойничье мясо, фаршированный зеленый перец, жареную свинину с лесными грибами, салат из хауттуйнии...

Хауттуйния... — подумал про себя Ду Жошуй, — это единственное, что я пробовал.

— Только дедушка совсем не пускает меня на кухню, — сникшим голосом произнес Цзи Юньчжо, опуская брови и глаза.

— Почему?

— Он боится, что я поранюсь.

Каких вообще ранений можно нахвататься на кухне? Ду Жошуй удивился — его-то еще ни разу не приглашали на кухню резать призраков.

— Мало ли, он вечно твердит это слово — мало ли, вдруг кипятком ошпарюсь, вдруг огонь обжжет...

Ду Жошуй сам спросил:

— Так как же ты смог приготовить всё сегодня?

— Хе-хе, потому что дедушка ушел в город, — пояснил Цзи Юньчжо. — Каждую неделю, то есть в последний день из каждых семи, он ходит в город — повидаться с друзьями, попить чаю, забрать свои письма и газеты, на это у него уходит чуть ли не полдня.

— Я ускользнул тайком, ему ни в коем случае нельзя об этом знать, помоги мне сохранить секрет!

Судя по рассказам Цзи Юньчжо, его дедушка был человеком передовых взглядов: в молодости он ездил учиться в город, да так, что его чуть не отправили за границу учиться в те далёкие великие заморские страны. Вот только он никак не мог бросить родную деревню и в конце концов всё равно вернулся. Покойная бабушка Цзи Юньчжо была девушкой из народности мяо, но дедушка не носил одежду мяо и, в отличие от остальных мужчин в деревне, не ходил в длинных халатах и камзолах — на нем всегда был ладно скроенный европейский костюм...

После этих слов Ду Жошуй сразу сообразил, кем приходится дедушка Цзи Юньчжо. Фамилия Цзи в этой деревне была одной из самых распространенных, а сам Цзи Юньчжо, оказывается, приходился внуком деревенскому старосте.

Раньше, бывая в зажиточных домах и на крупных сходах в некоторых деревнях, Ду Жошуй видел старосту — сухощавого, исполненного достоинства старика, который говорил мягко, не торопясь и с расстановкой. Он редко улыбался, но если улыбался, то выглядел очень доброжелательно. Староста отличался от остальных людей: он не избегал Ду Жошуя — при каждой встрече здоровался с ним, перекидывался пара слов и даже справлялся, что тот обычно ест, как устроился на новом месте и не подрос ли за последнее время...

Ду Жошуй не привык разговаривать с такими людьми, но и не испытывал к нему неприязни.

С таким дедушкой неудивительно, что Цзи Юньчжо его не боялся.

Вспомнив Ши Циншаня, а следом и дедушку Цзи Юньчжо, Ду Жошуй не знал, была ли прорвавшаяся в сердце легкая кислинка порождена завистью.

— Мой дедушка не верит во всё это, это же сплошные суеверия из прошлого, — заговорив о деде, Цзи Юньчжо с гордым видом выпятил грудь. — Он ведь читает Маркса, а это такой великий человек из-за границы! Он еще верит в господина Демократию и господина Науку.

— А эти люди... они все в деревне? — спросил Ду Жошуй. — Они что, совсем не боятся призраков?

— Ну... — Цзи Юньчжо замялся. — Я и сам не знаю, я с ними не знаком.

Позже Цзи Юньчжо рассказал ему еще много всего: о чем-то Ду Жошуй уже знал, но о многом слышал впервые. Цзи Юньчжо щебетал без умолку, его рот, казалось, не закрывался ни на секунду — даже перед лицом такого угрюмого и молчаливого человека, как Ду Жошуй, он умудрялся жестикулировать и веселиться сам по себе. В лесу стояла тишина, со всех сторон его окружали раскидистые деревья, словно огромная чаша, накрывшая их вместе с этой гладью озера.

Раньше Ду Жошую нравилось это место за умиротворение и глушь, где его никто не потревожит. Звуки здесь тоже водились, но исключительно лесные: шепот ветра, журчанье воды, треск насекомых... Теперь же все эти звуки перекрыл голос Цзи Юньчжо, и даже если Ду Жошуй пытался расслышать что-то еще, ему едва ли это удавалось — вокруг звенел лишь непрерывающийся перезвон бубенчиков на Цзи Юньчжо. Звуки, принадлежавшие Цзи Юньчжо, заполнили собой все уши, но Ду Жошуй вовсе не находил это шумным или раздражающим. Это открытие удивило его, а следом вновь всколыхнуло страх.

Раньше у него уже бывало нечто подобное: когда его навещал Ши Циншань, стоило тому уйти, как во дворе воцарялась слишком оглушительная тишина.

Теперь Ши Циншань почти перестал к нему заглядывать.

Ему хотелось выйти наружу и посмотреть на мир, но стоило выйти, как выяснялось, что за пределами двора дела обстоят еще хуже; впрочем, стоило хоть раз выбраться наружу, как время в том самом дворе начинало казаться невыносимо долгим и тяжелым — пожалуй, лучше было и не уходить с самого начала.

А что, если в следующий раз Цзи Юньчжо не придет?

Он же не сможет вечно стряпать для него утку с кровавыми лепешками.

Вкус утки с кровавыми лепешками, оставшийся во рту, казалось, стал отдавать горечью.

Он вдруг осознал, что присутствие человека, сидевшего перед ним, становится невыносимым.

Но прежде чем он успел что-либо предпринять, Цзи Юньчжо потер глаза, на его лице проступило сонное выражение, он замолчал, снял с пояса кожаный бурдюк с водой и, запрокинув голову, сделал несколько больших жадных глотков. Отерев рот, он позвал А-Хуа. А-Хуа с лаем бросилась к нему, Цзи Юньчжо подхватил ее на руки, обнял за шею, напавал прижавшись к ее телу, потерся щекой о ее шерсть, а затем приподнял веки и бросил лукавый взгляд на Ду Жошуя:

— Я спать хочу, вздремну немного.

— Брат, давай поспим вместе, я же видел, ты обычно спишь прямо здесь.

— Снотворного дня.

Произнеся это, он смежил веки.

Вскоре А-Хуа тоже закрыла глаза, погружаясь в мир снов вместе со своим хозяином.

Ду Жошуй не спал — он продолжал неотрывно смотреть на Цзи Юньчжо.

Он видел, как тот крепко заснул: его тело, до того слегка свернувшееся калачиком, распрямилось, зажатые в кулачки ладони по бокам разжались, а лицо, прижатое к пушистому боку А-Хуа, казалось невероятно мягким, и под яркими лучами дневного света на нем даже проступал легкий пушок. Ресницы у него были длинными, словно подкрашенные тушью, а их загнутые кончики напоминали мостики, оставленные для танцев лесных эльфов.

Он также видел, как слегка вздымалась его грудь, и слышал его ровное дыхание — раз за

разом, вдох за выдохом... Постепенно сердцебиение Ду Жошуя помимо его воли стало подстраиваться под этот ритм.

В бесчисленные такие же безмолвные дни и ночи ему компанию составляли лишь холодные, бездыханные тела мертвецов. В тесном пространстве гроба звук собственного дыхания казался пугающе громким, а вырываемый наружу воздух отовсюду возвращался глухим эхом.

Теперь же компанию ему составлял живой, теплый человек.

Непонятно откуда взявшийся страх бесследно рассеялся.

Если возвращаться слишком поздно, в лесу может стать опасно. Раньше, когда он был один, Ду Жошуй ничего не боялся, но теперь, когда к нему добавился Цзи Юньчжо, к тому же выглядевший таким неженкой, ему поневоле приходилось проявлять лишнюю осторожность.

<http://bllate.org/book/27288/3310921>